

Нѣсколько словъ объ А. П. Чеховѣ)

(1898—1904 г.)

А. П. Чеховъ послѣднихъ шести лѣтъ — таинствъ я знала его: Чехова, слабѣющаго физически и крѣпнущаго духовно, — Чехова, какъ-то необыкновенно просто, мудро и красиво относящагося къ разрушенію своего тѣла, изъ-за того, что «Богъ живетъ въ меня бацциллу».

Впечатлѣніе отъ этихъ шести лѣтъ — какого-то беспоконства, метанія, — точно тайна падъ океаномъ, но зная куда прійдетъ... И всѣ эти метанія, всѣ мечты были прикованы 2/15 іюля его собственными словами: «Ich sterbe» (я умираю).

Жизнь внутренняя за всѣ эти 6 лѣтъ прошла до чрезвычайности полно, насыщенно, интересно и сложно, такъ что внѣшняя неустойчивость и неудобство тѣла свою остроту...

Жизнь уже утомляла Антона Павловича, но духъ его не угасалъ, творчество не унывало. За эти годы Чеховыми были написаны «Въ оврагѣ», «Три сестры», «Архирей», «Новѣтѣ» и «Винный садъ».

Мы познакомились въ 1898 году. На одну изъ первыхъ репетицій «Чайки», въ зданіи Охотничьяго Клуба на Воздвиженкѣ, 9-го сентября пріѣхалъ А. П. Чеховъ. Трудно говорить о томъ большомъ волненіи, которое охватило насъ, актеровъ, при первой встрѣчѣ съ любимымъ писателемъ, когда мы почувствовали все необыкновенное, тонкое обаяніе его личности, его простоты, его какого-то неумѣйнаго «учити», «показывать». Не знали, какъ и о чемъ говорить... И онъ смотрѣлъ на насъ, то улыбался, то вдругъ необычайно серьезно, съ какою-то смущеніемъ, пощипывая бородку и вскидывая пензенъ... Не доумѣвая, какъ отвѣчать на тѣхъ вопросы, а мы-то думали — вотъ пріѣдетъ

авторъ и откроетъ намъ всѣ тайны, какъ надо играть «Чайку».

Антонъ Павловичъ, когда его спрашивали, отвѣчалъ какъ-то неожиданно, какъ будто и не по существу, какъ будто и не анализъ мы, какъ принять это замѣчаніе — серьезно или въ шутку. Но такъ казалось только въ порыву минуты, и сейчасъ же, подумавъ немного, чувствовалось, что это сказанное какъ бы вскользь замѣчаніе начинало проникать въ мозгъ и душу, и отъ едва уловимой характерной черточки начинала вырастать вся суть человѣка.

Такъ напр. кто-то спросилъ, какъ надо играть такую-то роль. «Какъ можно лучше», отвѣтилъ Антонъ Павловичъ. Другой просилъ охарактеризовать типъ писателя въ Чайкѣ, и послѣдовалъ отвѣтъ: «Да онъ же носитъ плѣтчатые ботинки». — Мы же скоро привыкли къ этой манерѣ общенія съ нами автора...

*

Зимой мы сыграли «Чайку» съ большимъ успѣхомъ, и весной 1899 г. показывали пьесу автору, пріѣхавшему снова въ Москву. Была радостная, чудесная весна, полная волнительныхъ переживаній: созданіе новаго пашаго театра, какого-то «особнаго» — итоги перваго сезона, успѣхъ и неуспѣхъ нѣкоторыхъ постановокъ, необычайная наша сплоченность и общее волненіе и тронуть за каждый спектакль; большой, исключительный успѣхъ «Чайки», знакомство съ Чеховымъ, радостное сознаніе, что у насъ есть «свой», близкій намъ авторъ, котораго мы тѣсно любили — все это радостно волновало и наполняло нашу душу. Снимались съ авторомъ — группа участвующихъ въ «Чайкѣ», и въ серединѣ Чехова, яко-бы читавшій пьесу. Уже говорили о постановкѣ «Дяди Вани» въ будущемъ сезонѣ...

Кончился сезонъ и я уѣхала отдыхать на Кавказъ, гдѣ жить мой братъ съ семьей на дачѣ около Микета. Къ этому періоду и относятся первые наши письма. Еще въ Москвѣ я общалась пріѣхавъ въ Кавказъ въ Крымъ, гдѣ Антонъ Павловичъ купилъ участокъ земли и строилъ домъ. Письмами мы сговорились встрѣтиться на па-

роходѣ въ Новороссійскъ, около 20 іюля, и вмѣстѣ пріѣхали въ Ялту, гдѣ я остановилась въ семьѣ д-ра Л. В. Срединна, съ которой была дружна вся наша семья, а Антонъ Павловичъ жилъ на набережной въ гостинницѣ Марино, откуда онъ ходилъ ежедневно на постройку своего дома въ Аутку, плохо питался, такъ какъ никогда не думалъ о ѣдѣ, уставать, и какъ мы съ Срединнымъ ни старались зазывать его подъ разными предлогами, чтобы устроить ему нормальное питаніе — это удавалось очень рѣдко: Антонъ Павловичъ не любилъ ходить «въ гости» и избѣгалъ обѣдовъ не у себя дома, хотя къ Срединнымъ онъ относился съ симпатіей. У нихъ было всегда такъ просто и радушно, и все, что бывало въ Ялтѣ изъ міра артистическаго, литературнаго и музыкальнаго, все это посѣщало всегда Срединныхъ (Горькій, Найденовъ, Аренскій, Васнецовъ, Ермоловъ)...

Въ августѣ мы съ Антономъ Павловичемъ вмѣстѣ уѣхали въ Москву и ѣхали на лошадахъ до Бахчисарая, черезъ гору Ай-Петри... Хорошо было показываться на мылкахъ рессорахъ, дышать вонючимъ испареніемъ сосны воздуха, и болѣть въ миломъ, шутиломъ чеховскомъ тогѣ, и подергивать, когда сильно прилегло южное солнце и морзало душу зноемъ... Хорошо было ѣхать въ живописной долинт Коккоза, полной какого-то особеннаго очарованія и прелести...

Въ Москвѣ Антонъ Павловичъ пробылъ недолго и уже въ концѣ августа уѣхалъ обратно въ Ялту, а уже съ 3-го сентября начинается паша переноска вплоть до конца марта 1900 г., когда трупина Художественно-Общедоступнаго театра рѣшила пріѣхать въ Крымъ съ пьесами «Чайка», «Дядя Ваня», «Одноклѣ» и «Гедда Габлеръ».

*

Я пріѣхала еще на Страстной, съ Марьей Павловной, и какъ казалось уютно и тепло въ новомъ домѣ, который лѣтомъ только еще строился и былъ нежизненнымъ... Все интересовало, каждый пустякъ; Антонъ Павловичъ любилъ ходить и пазазывать и разсказывать, чего еще пѣтъ и

что должно быть со временемъ, и, главное, занималъ его садъ, фруктовый посадка...

По утрамъ Антонъ Павловичъ обыкновенно саживалъ въ садъ и при немъ всегдашніе адъютанты — двѣ собаки, дворняжки, которыя откуда-то появлялись и приживались очень быстро, благодаря симпатіи, съ которой Антонъ Павловичъ относился къ нимъ, и два журавля съ подвѣшанными крыльями, которые были всегда около людей, но въ руки не давались. Журавли эти были очень привязаны къ Арсенію — и дворнику и садовнику вмѣстѣ — очень тосковали, когда онъ отсутствовалъ. О возвращеніи Арсенія въ городъ всѣхъ домъ звалъ по крику этихъ птицъ и страннымъ движеніямъ, которыми они выражали свою радость — что-то вродѣ вальса...

Тихо, уютно и быстро прошла Страстная недѣля, недѣля отдыха, и надо было ѣхать въ Севастополь, куда пріѣхала труппа Худ. театра. Помню, какое чувство одиночества охватило меня, когда въ первый разъ въ жизни я осталась одна въ номерѣ гостинницы, да еще въ Пасхальную ночь, да еще послѣ ласковости и уюта чеховской семьи... Но уже началась притомленіе въ спектакляхъ, пріѣхалъ Антонъ Павловичъ, и жизнь завертѣлась... Начался какой-то весенній праздникъ...

Перѣехали въ Ялту, и праздникъ сталъ еще ярче, насъ буквально засыпали цвѣтами... Артисты пріѣзжали часто въ Антона Павловича, обѣдали, бродили по саду, сидѣли въ уютномъ кабинетѣ, и какъ правилось все это Антону Павловичу, — онъ такъ любилъ жизнь подвижную, выпучую, а тогда у насъ все уповало, кѣпало, радилось...

Жаль было расставаться и съ Югомъ, и съ солнцемъ, и съ Чеховымъ, и съ атмосферой праздника... но надо было ѣхать въ Москву, ретироваться. Вскорѣ пріѣхавъ въ Москву и Антонъ Павловичъ, ему казалось пусто въ Ялтѣ послѣ жизни и смѣтленія, которая вносъ пріѣздъ пашаго театра, но въ Москвѣ почувствовалъ себя нездоровымъ и быстро вернулся на югъ.

*) Книгоиздательство Слово выпускаетъ падику неопубликованныхъ до сихъ поръ писемъ А. П. Чехова къ О. Л. Книпперъ. Принадлежитъ написанное О. Л. Чеховой Книпперъ предисловіе къ книгѣ, съ нѣкоторыми сокращеніями.

Въ юль я гостила у Чеховыхъ въ Ялтѣ.

Переписка возобновляется съ моего отъѣзда въ Москву въ началѣ августа по 23 октября и прерывается прѣздомъ Антона Павловича въ Москву, съ пьесой «Три сестры», до половины декабря, когда Антонъ Павловичъ отправляется на югъ Франціи въ Ниццу, гдѣ онъ прожилъ около трехъ мѣсяцевъ, сильно волнуясь холонгъ работъ въ театрѣ надъ постановкой «Трехъ сестеръ»...

✱

Въ половинѣ мая Антонъ Павловичъ прѣхалъ въ Москву. 25 мая мы вѣнчали въ уѣхала по Волгѣ, Камѣ, Бѣлой до Уфы, откуда часовъ 6 по жел. дор. въ Андреевскую санаторію около ст. Аксеново... —

Въ Аксеновѣ Антону Павловичу нравились природа, длинная тѣнь по степи послѣ шести часовъ, фырканье лошадей въ табуны, вѣшалась флора, рѣка Деза Аксаковская, куда мы зашли однажды на рыбную ловлю... Кумисъ сначала пришелся, очень по вкусу Антону Павловичу, но вскорѣ надоѣлъ и, не выдержавъ 6 недѣль, мы отправились домой въ Ялту, черезъ Самару по Волгѣ до Царицына и на Новороссійскъ.

Съ этой поры жизнь его дѣлится между Москвой и Ялтой, начались частыя встрѣчи и проводы на Курское вокзалъ и на вокзалъ въ Севастополь...

Въ Ялтѣ приняла его сначала постройка дома, разбивка сада, устройство жизни, а послѣдствіемъ оны свыкся съ ней, хотя и называлъ ее своей «тойлой Сибирью». Въ Москву все время стремился, стремился быть ближе къ театру, быть среди актеровъ, ходить на репетиціи, болтать, шутить, смотрѣть спектакли, любить пройтись по Петровке, по Кузнецкому, по-смотреть на магазины, на толпу...

Работа надъ «Вишневымъ садомъ» была трудная, мучительная, я бы сказала. Никакъ не могли понять другъ друга, сговориться режиссеры съ авторомъ.

Первое представленіе «Вишневаго сада» было днсмъ, чествованіи Чехова литераторами и его друзьями. Его это утомило,

онъ не любилъ показывать торжества, и даже отказывался прѣхать въ театр. Въ очень волновался постановкой «Вишневаго сада» и прѣхалъ только къ третьему акту и то только когда за нимъ поѣхали.

Первое представленіе «Чайки» было торжествомъ въ театрѣ и первое представленіе послѣдней его пьесы тоже было торжествомъ, но какъ непохожи были эти два торжества! Было безпокойно, въ воздухѣ висѣло что-то злобѣющее. Не знаю, можетъ быть теперь эти событія окрасились такъ, благодаря всѣмъ послѣдующимъ, но что не было поры чистой радости въ этотъ вечеръ 17 января — это вѣрно. Антонъ Павловичъ очень внимательно, очень серьезно слушалъ всѣ прѣвѣтствія, — во времена онъ воеводилъ голову своимъ характернымъ движеніемъ, и казалось, что на все происходящее онъ смотритъ съ высоты птичьего полета, что онъ вѣдь не причесъ, и лицо освѣщалось его мягкой, лучистой улыбкой, и появлялись характерныя морщины около рта — это онъ вѣроятно успѣвалъ что-нибудь смѣшное, что онъ будетъ смѣяться своимъ дѣтскимъ смѣхомъ...

Вообще Антонъ Павловичъ необычайно любилъ все смѣшное, все въ чемъ чувствовался юморъ, любилъ слушать рассказы смѣшные и, сидя въ уголокъ, подперевъ рукой голову, пощипывая бородку, заливался такимъ заразительнымъ смѣхомъ, что я часто, бывало, переставала слушать рассказчика, воспринимая рассказъ черезъ Антона Павловича. Онъ очень любилъ фокусниковъ, клоуновъ. Помню, мы съ нимъ какъ-то въ Ялтѣ долго стояли и не могли оторваться отъ всевозможныхъ фокусовъ, которые продѣлывали дрессированныя блохи. Любилъ Антонъ Павловичъ выдумывать — легко, излжно и очень смѣшно, — это вообще характерная черта чеховской семьи...

Даже за нѣсколько часовъ до своей смерти онъ заставлялъ меня смѣяться, выдумывая одинъ рассказъ. Это было въ Вадонвейлорѣ. Послѣ трехъ тяжелыхъ тревожныхъ дней ему стало легче въ вечеру. Онъ послалъ меня пробѣгать въ по-

парку, такъ какъ я не отлучалась отъ него эти дни, и когда я пришла, онъ все безпокоился, почему я не иду уложиться, на что я отвѣтила, что гонгъ еще не прозвонилъ. Гонгъ, какъ оказалось послѣ, мы просто прослышали, а Антонъ Павловичъ началъ придумывать разсказъ, описывая необычайно модный курортъ, гдѣ много сытыхъ, жирныхъ банкировъ, адровыхъ, любившихъ хорошо поѣсть, красноречивыхъ англичанъ и американцевъ, и вотъ всѣ они, кто съ экскурсіи, кто съ катанья, съ пѣшеходной прогулки, однимъ словомъ отовсюду, собираются съ мечтой хорошо и сытно поѣсть послѣ финансовой усталости дня. И тутъ вдругъ оказывается, что повара сбѣжали и ужина нѣзкого, вѣтъ, — я вотъ какъ этотъ ударъ по желудку отразился на всѣхъ этихъ набалованныхъ людяхъ... Я сидѣла, припрунувши на диванѣ послѣ тревоги послѣднихъ дней, и отъ души смѣялась. И въ голову не могло придти, что черезъ нѣсколько часовъ я буду стоять передъ тѣломъ Чехова!

Въ послѣдній годъ жизни у Антона Павловича была мысль написать пьесу. Она была еще неясна, но онъ говорилъ мнѣ, что герой пьесы ученый — любящій женщину, которая или не любитъ его, или наизмѣняетъ ему, и вотъ этотъ ученый уѣзжаетъ на дальній сѣверъ. Третій актъ ему представлялся именно такъ: стоитъ пароходъ, затертый льдами, сѣверное сіяніе, ученый одиноко стоитъ на палубѣ, тишина, покой и величіе ночи, и вотъ на фонѣ сѣвернаго сіянія онъ видитъ — проносится тѣнь любимой женщины...

Антонъ Павловичъ тихо, покоичо отшель въ другой міръ. Въ началѣ почти онъ проснулся и первый разъ въ жизни самъ попросилъ послать за докторомъ. Ошущеніе чего-то огромнаго, надвигающаго придавало всему, что я дѣлала, необычайный покой и точность, какъ будто то-то убрѣнено вѣль меня. Помню только жуткую минуту потерянности: ошущеніе близости массы людей — болѣе шомъ снѣземъ отелѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувство полной моей одинокости и безпомощности. Я вспоминаю, что въ этотъ же отелѣ жидъ

аналогичныя русскія студентки — два брата, и вотъ одного я попросила сбѣгать за докторомъ, сама пошла колоть ледъ, чтобы положить на сердце умирающему. Я слышу какъ сойчасъ, среди давящей тишины июльской мучительно душной ночи, августъ удаляющихся шаговъ по скрипящему песку...

Привѣлъ докторъ, велѣлъ дать шампанскаго. Антонъ Павловичъ съѣлъ и какъ-то значительно, громко сказалъ доктору по-нѣмски (онъ очень мало зналъ по-нѣмски): «Ich sterbe...» Потомъ взялъ бокалъ, повернулъ ко мнѣ лицо, улыбуясь своей удивительной улыбкой, сказалъ: «Давно я не пилъ шампанскаго...», покойно выпилъ все до дна, тихо легъ на лѣвый бокъ и вскорѣ умолкнулъ навсегда... И страшную тишину ночи нарушала только, какъ вихрь ворвавшаяся огромный размѣромъ черная ночная бабочка, которая мучительно билась о горящія электрическія лампочки и металась по комнатамъ...

Ушолъ докторъ, среди тишины и дурхоты ночи съ страшнымъ шумомъ выскочила пробка изъ вонючей бутылки шампанскаго... Начало свѣтать, и вмѣстѣ съ пробуждающейся природой, раздалось, какъ первая панхида, вѣжаое, прекрасное цѣніе птицъ, и звуки органа, допосавшесіа изъ ближайшей поркви. Не было слышно звука людского голоса, не было суоты обыденной жизни, была красота, покой и величіе смерти...

И у меня — сознаніе горя, потеря такого чловѣка, какъ Антонъ Павловичъ, пришло только съ первыми звуками пробуждающейся жизни, съ приходомъ людей, а то, что я испытывала и переживала, стоя одна на балконѣ и глядя на восходящее солнце и на звѣззашее пробужденіе природы, то на прекрасное, успокоившесіа, какъ бы улыбующееся лицо Антона Павловича, словно появляющаго что-то, — это для меня, повторяю, пока остается тайной неразгаданности... Такихъ минутъ у меня въ жизни не было, думаю, и не будетъ...

О. Кни...срѣ Чехова.